

www.volsu.ru

К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.10>

UDC 316.42

LBC 60.524

Submitted: 15.05.2024

Accepted: 15.06.2024

FORMATION OF MODERN RUSSIAN SOCIOLOGY: INTERVIEW WITH PROFESSOR VLADIMIR KOZLOVSKIY

Vladimir V. Kozlovskiy

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Ekaterina N. Vasilieva

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. We had a conversation with Vladimir Kozlovskiy in April 2024, coinciding with the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. Vladimir Kozlovskiy is a Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Director of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS), Head of the Department of Sociology of Culture and Communication, Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, and Chief Co-Editor of the Journal of Sociology and Social Anthropology. During the interview, the influence of culture and social processes on the development and institutionalization of Russian sociology was discussed. Vladimir Kozlovskiy is one of the leading experts in the field of the history of sociology and was awarded the II-class Medal of the Order “For Merit to the Fatherland”; he is the Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation. His studies of civilizational development models of modern societies have made a great contribution to modern sociology. The relevance of research conducted under the leadership of Vladimir Kozlovskiy is especially high in the context of the modern development of Russian society.

Key words: Russian Academy of Sciences, scientific school, history of sociology, modernization of Russian society, social processes, civilizational development.

Citation. Kozlovskiy V.V., Vasilieva E.N. Formation of Modern Russian Sociology: Interview with Professor Vladimir Kozlovskiy. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 81-93. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.10>

УДК 316.42
ББК 60.524

Дата поступления статьи: 15.05.2024

Дата принятия статьи: 15.06.2024

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ВЛАДИМИРОМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧЕМ КОЗЛОВСКИМ

Владимир Вячеславович Козловский

Социологический институт РАН – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Екатерина Николаевна Васильева

Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Беседа с Владимиром Вячеславовичем Козловским, доктором философских наук, профессором, директором Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (СИ РАН – филиала ФНИСЦ РАН), заведующим кафедрой социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), главным редактором «Журнала социологии и социальной антропологии» прошла в апреле 2024 г. и посвящена 300-летию Российской академии наук. В ходе интервью обсуждалось влияние культуры и социальных процессов на развитие, институционализацию отечественной социологии. Владимир Вячеславович является одним из ведущих специалистов в области истории социологии, награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, является Почетным работником высшего образования РФ, его труды по исследованию моделей цивилизационного развития современных обществ внесли большой вклад в современную социологию. Актуальность исследований, проведенных под руководством В.В. Козловского, особенно высока в контексте современного развития российского общества.

Ключевые слова: Российская академия наук, научная школа, история социологии, модернизация российского общества, социальные процессы, цивилизационное развитие.

Цитирование. Козловский В. В., Васильева Е. Н. Становление современной российской социологии: интервью с профессором Владимиром Вячеславовичем Козловским // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 81–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.10>

Екатерина Николаевна Васильева: Уважаемый Владимир Вячеславович, в 2024 этом году мы празднуем юбилей – 300 лет Российской академии наук! Наверное, можно сказать, что социология институционализировалась в России не поступательно, а с некоторыми перерывами, обусловленными историческими событиями. Только в 1908 г. по личному разрешению Николая II на базе частного Психоневрологического института (руководитель академик В.М. Бехтерев) была открыта первая в России кафедра социологии. В октябре 1918 г. был организован Социобиблиографический институт. В 1968 г. был создан Институт конкретных социальных исследований

Академии наук СССР (ИКСИ). Закономерно, что дисциплинарная матрица, исследовательские программы социологии существенно трансформировались. Скажите, пожалуйста, как менялось отечественная социологическая наука?

Владимир Вячеславович Козловский: Социология как таковая в России возникла не так давно, во второй половине XIX века. Целая плеяда имен известных социологов представляет историю становления различных направлений и школ социологии в России. Эта история знаменательна тем, что она развивалась в тесном сотрудничестве с европейскими и американскими социологами. До рево-

люции социология развивалась в различных публичных форматах, прежде всего в многочисленных журнальных и книжных публикациях, то есть вне академических стен, и гораздо реже в университетах. Институционально она была представлена прежде всего оригинальными статьями, переводами, рецензиями, дискуссиями, обсуждениями, мощным потоком разных материалов, собираемых официальными органами власти, в частности, Министерством народного просвещения и внутренних дел. Помимо этого, накапливались материалы различных экспедиций, например, по программе В.Н. Тенишева¹. В Российской академии наук, получившей это название в феврале 1917 г. (со времени учреждения в 1724 г. называвшаяся Императорская Санкт-Петербургская академия наук), социология появилась только лишь благодаря Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому, портрет его вы видите в моем кабинете СИ РАН в Санкт-Петербурге. Лаппо-Данилевский предложил создать социологический академический институт, однако воплотить идею в жизнь не удалось из-за его кончины в 1919 году. Он был одним из основателей вместе с Питиримом Александровичем Сорокиным в 1917 г. Русского социологического общества им. Максима Максимовича Ковалевского, скончавшегося 5 апреля 1916 года. Инициатором продвижения социологии в академической среде был П.А. Сорокин, по проекту которого и его усилиями в Петроградском университете в 1920 г. был создан факультет общественных наук. В 1922 г. Сорокин был изгнан из страны по решению властей, лично В.И. Ленина, разрешившего ему покинуть страну, иначе его судьба была иной.

Следует отметить, что социология в России в дореволюционный период долгое время не признавалась официальными органами государства. Немало известных социологов, таких как М.М. Ковалевский, Е.В. Де Роберти, Н.И. Кареев и ряд других вынуждены были уехать за границу. Социология считалась общественно вредным учением, пропагандировавшим социалистические учения. Частично она была представлена в университетах, например, в курсах по праву Л.И. Петражицкого и курсах самообразования Н.И. Кареева (до его отъезда из России в 1899 г.). Социоло-

гические идеи обсуждались и постепенно проникали в интеллектуальную и общественную среду. Публично социология была активно представлена русскими учеными с 1901 г. в Русской высшей школе общественных наук в Париже. Лишь в 1905 г. по возвращении русских ученых в Россию в результате либеральных перемен первой русской революции была учреждена в 1908 г. первая кафедра социологии в частном Психоневрологическом институте В.М. Бехтерева (1907). Социологическое образование и исследования стали продвигаться, но тем не менее очень тяжело. Таким образом, профессиональных социологов в царской России и в СССР не готовили.

Полноценная история российской и советской социологии, несмотря на многочисленные имеющиеся различные научные и учебные материалы, отсутствует. В частности, есть учебное пособие по истории русской социологии (1995 г.), подготовленное крупным историком социологии И.А. Голосенко с моим участием. В нем отражены имена и школы в аспекте развития позитивистского направления. На мой взгляд, история российской социологии может быть рассмотрена как широкое научное поле исследования спектра общественно значимых и актуальных проблем, для практического решения которых социологией предлагались различные проекты и программы.

Сложившаяся у меня концепция и накопленные материалы направлены именно на раскрытие роли и места социологии в проблематизации и проектировании развития российского общества. Сложность подобной задачи состоит в определении и обосновании разными школами и социологами различных ключевых проблем общества на протяжении драматической, даже трагической российской истории. На основе истории социологических моделей и проектов решения фундаментальных проблем российского общества по-иному предстает и сама социальная история страны. В начале XXI столетия российский социум столкнулся с фундаментальными вопросами существования и выбора пути развития. Ответов готовых нет. Например, ответ на вопрос о роли личности, данный еще во второй половине XIX в. представителями целого направления субъективной школы –

Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров, С.Н. Южаков – едва ли устроит нас сегодня. Они полагали ведущей силой в изменении России критическую личность, критически мыслящих людей, героев, творцов истории и культуры. Ни власть, ни экономика, ни право, ничто иное как критически мыслящие личности, к которым была причислена интеллигенция, революционеры-демократы, просвещающие и направляющие народ к светлому будущему, способны вести русское общество к прогрессу. После установления советской власти в 1922 г. социология имела возможности для утверждения и развития, однако установилась идеологическая монополия коммунистической партии на общественные науки в духе марксистско-ленинского и сталинского понимания, закрывшего другие варианты развития социологии.

Е.Н.: Как Вы считаете, в связи с чем социология в этот период и позже воспринималась властью неоднозначно?

В.В.: Социология – это социальное самопознание и познание общества, настроений, мнений, структурных перемен, движений, перспектив и трудностей развития. Благодаря социологии есть шанс знать реальную ситуацию в расстановке общественных сил, готовность разных слоев общества к предлагаемым органами государственной и партийной власти жизненно важным реформам, программам и проектам. Осторожное отношение к социологическим исследованиям проявлялось и проявляется не только представителями власти, но и на административном, экономическом, хозяйственном уровнях. Примером может служить мой опыт изучения трудовых конфликтов на одном из ведущих современных предприятий индустрии строительных материалов «КНАУФ» в 1997–1998 годах. Реакция на предложение провести анкетный опрос на предприятии была весьма неоднозначной и даже негативной: «Своим опросом вы у нас можете возбудить интерес к конфликтам и спровоцировать их». Пришлось переформулировать цель опроса в социологическое изучение трудовых отношений, условий труда, настроений, морального климата и т. п. С трудом удалось убедить руководство предприятия в нейтральности проекта и отсутствии причин для беспокойства по поводу

возможного разжигания конфликтности. Таким было отношение руководства компании к социологическому исследованию 25 лет назад, поскольку оно считало, что допускать социологов на предприятие чревато негативными последствиями. Для социолога такие оценки и установки представителей бизнеса представляются странными предубеждениями. Тем более они характерны для представителей разных уровней власти и управления, которые сами создавали социологические службы для отслеживания текущих проблем. Публичная социология в силу возможного информационного воздействия на общественное мнение была у государственной власти в зоне внимания и контроля. Стоит подчеркнуть, что официально социология в СССР была допущена по решению Центрального комитета КПСС в 1989 г.², то есть 35 лет назад. Для полутора столетней науки это весьма симптоматичный факт признания обществом и государством.

Е.Н.: Даже 1968 год нельзя назвать годом легализации социологии?

В.В.: Легализация социологии как науки происходила не просто. В 1965 г. в Ленинградском госуниверситете (ЛГУ) был учрежден научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ), в задачи которого входило широкое изучение человека, его поведения, социальной среды методами социогуманитарных и естественных наук. В 1968 г. существовавший в Институте философии АН СССР отдел конкретных социологических исследований был преобразован в Институт конкретных социальных исследований АН СССР.

Этому предшествовало смягчение отношения партийно-государственного аппарата к социологии во второй половине 1950-х гг., то есть после критики культа личности, начало оттепели. Советские ученые, в частности, ныне здравствующий Геннадий Васильевич Осипов, и другие получили возможности ездить на международные социологические конгрессы и представлять советскую социологию. В 1958 г. была создана Советская социологическая ассоциация (ССА). Ведущую роль в трансляции и продвижении достижений зарубежной социологии в СССР сыграли Владимир Александрович Ядов, Игорь Семено-

вич Кон, которые побывали на заграничных стажировках и смогли как положено в советское время в критическом ключе представить западную социологию. Стали доступны контакты с представителями американской и западноевропейской социологии, например, с российско-американским социологом П.А. Сорокиным, которого, к сожалению, не пустили в страну, несмотря на его неоднократные просьбы. Между тем как один из лидеров американской социологии, Толкотт Парсонс, приезжал в Советский Союз.

Позднее, в 1960–1970-е гг. стали создаваться социологические лаборатории, группы, при партийных органах и на крупных предприятиях. Сформировалась промышленная, производственная, заводская социология, которая бурно развивалась. В начале 1970-х гг. активно проходило изучение социальной структуры общества, примером чего на моем столе является солидный том отчета около 800 страниц об изменяющейся социальной структуре в городах советского общества. Этот обстоятельный отчет о проведенном исследовании социальной структуры городов под руководством одного из основоположников советской социологии О.И. Шкаратана выполнен в 1976 году. По его словам, он сам создавал инструментарий и проводил данное исследование независимо от западных методик и методологий. Исследования классической тематики социальной структуры постепенно расширялись, но до ключевой проблематики социального неравенства было еще далеко. Отраслевая и эмпирическая социология в Советском Союзе постепенно набирала силу.

Российская социология в XXI в. обрела новое дыхание после создания Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук в 2017 г. под руководством академика Михаила Константиновича Горшкова. В 2023 г. отмечали 55 Институту социологии ФНИСЦ РАН, вошедшего в него в качестве обособленного подразделения. Социологический институт РАН, находящийся в Санкт-Петербурге, вошел в состав ФНИСЦ РАН в качестве филиала. В него входят еще три института: Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Институт социально-эко-

номических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, и несколько региональных филиалов: Западно-Сибирский, Крымский, Приволжский, Северо-Кавказский, Южно-Российский³. Таким образом, процесс легализации социологии в постсоветский период привел к созданию мощного профессионального центра, в котором ведутся исследования по важнейшей социологической тематике.

Е.Н.: Вы являетесь ведущим специалистом по истории отечественной социологии, у Вас были публикации по ленинградской мозаике советской социологии...⁴

В.В.: Это интересный вопрос об истоках и местах формирования советской социологии. Во многих публикациях про ленинградскую школу отмечается, что ленинградская школа – это школа В.А. Ядова. Вместе с тем есть основания полагать, что ленинградскую школу представляют, может быть, не столь именитые, но известные внесшие вклад в развитие социологии ученые: А.О. Бороноев, А.А. Галактионов, С.И. Голод, И.А. Голосенко, А.Г. Здравомыслов, В.Я. Ельмеев, И.С. Кон, В.И. Клушин, О.И. Шкаратан и ряд других. Не только в Москве и Ленинграде, но и в других городах СССР, Свердловске, Уфе, Перми, Казани, Киеве, Минске активно развивались разные весьма продуктивные направления социологических исследований. Таков был значимый период советской социологии, в котором, казалось бы, ничего не предвещало будущего распада страны. Однако отечественным социологам не удалось усмотреть грядущий кризис советского общества, предвидеть новые вызовы и пути развития.

Профессионально историко-социологические изыскания у меня прошли в счастливом творческом союзе и дружбе с Игорем Анатольевичем Голосенко, который глубоко занимался историей русской социологии. Он изучал творчество и наследие П.А. Сорокина, с которым он переписывался в 1960-е годы. В своей докторской диссертации мне пришлось привлечь материалы по истории российской социологии, для обоснования тезиса об ангажированности дореволюционных отечественных социологов в решение аналитических и практических задач переустройства российского общества. Проективная функция рус-

ских социологов воплотилась в изучении ценностных оснований модернизации российского общества, тех оснований на которых совершалось и/или могло измениться российское общество и государство. Ключевое положение моего исследования состояло в утверждении, что все школы или направления в российской, русской, дореволюционной социологии были формулировали ценностную картину современного им общества и проект его укрепления или модернизации: либеральный, консервативный, либерально-консервативный, консервативно-либеральный, радикальный, включая марксистский, революционно-демократический, анархистский. Русская социология в отличие от западной, по справедливому суждению ряда исследователей, это вовлеченная в российскую действительность социология. Она направлена не только на описание, объяснение и понимание, но на преобразование, развитие – модернизацию общества.

Е.Н.: В чем специфика российской социологии?

В.В.: Выше я отметил особенность российской социологии, состоящую в укорененности в общественной и даже общественно-политической жизни, направленности на ее обустройство и преобразования. Можно выделить два аспекта. Во-первых, дореволюционная российская социология самостоятельна и оригинальна. Во-вторых, надо отметить особую гуманитарную нравственную сфокусированность российской социологии на изучении общественных проблем. Изучение общества – предмет множества социальных и гуманитарных наук, в том числе социологии. Есть обществоведение или обществознание. Есть природоведение и спектр его наук: биология, зоология, ботаника и т. д. Есть литература и есть литературоведение. Религия и религиоведение, но есть и теология. Следует различать социологию и обществоведение? Накопление научных знаний и популярных сведений об обществе, его сферах, аспектах, отраслях предлагает определенную картину, панораму, общее представление. Социология в отличие от обществознания нацелена на выявление целостности, причинных связей, зависимостей, закономерностей социального и социетального характера. Например, понимание структурных особенностей различных об-

ществ, взаимодействий и взаимоотношений разных слоев и групп.

Социология в России, начиная с 1860-х, а может и еще раньше с 1840-х гг., формировалась в рамках контовской, то есть позитивистской традиции. На данном факте настаивал И.А. Голосенко⁵, освещая позитивистскую канву русской социологии. В дискуссиях с ним мною был выделен более широкий спектр теоретико-методологического поля русских социологов, изучавших российское общество. Это были не только концепции О. Конта, Г. Спенсера и других социальных ученых, идеи которых активно обсуждались в журналах, в книгах, публицистике, о чем имеется обстоятельная библиография. Проводились обследования разных сословий и социальных групп, (дворянство, крестьянство, рабочие), социальных явлений (алкоголизм, бюрократия, быт, проституция), промышленности, сельского труда. Социология была как раз направлена не просто на какое-то освещение проблем, а на их глубокое изучение с целью решить отдельные важные вопросы общественной жизни, экономики, культуры и т. д. В этом проявлялась ее ангажированность и ответственность отечественных социологов за возможные решения социально значимых проблем. В позитивистской социологии европейского образца важнее дать картину, описание, оценки реальности. Российские социологи стремились помимо констатации положения вещей дать проективные ответы для разных социальных групп, как жить, в каком направлении менять человека и общество. Например, суть либеральной модели устройства общества состояла в определении прежде всего форм участия населения во власти: парламентаризм, республиканизм, отказ от сословности, земство, формы местной власти, выборность. В радикальной модели социологами народничества и марксизма отстаивалась идея устранения монархии, самодержавия, утверждения народоправства и т. д.

После революций 1917 г., уже в советский период, общественные науки (марксистская, марксистско-ленинская философия и ряд других) стали инструментами партийной, партийно-политической работы, идеологическими инструментами. Общественные науки были представлены такими академическими

учреждениями, как: Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ), созданный позднее институт философии и другие институты РАН. Наряду с исследовательской частью их работы они занимались подготовкой идеологических документов для разработки программ и проектов партийно-государственного строительства социализма, экономического, хозяйственного, культурного развития, управления на разных уровнях. В середине 1980-х гг. общественные науки включились в обсуждение насущных вопросов перестройки советского общества. Реальная практика диктовала новые задачи, решение которых оказалось в ловушке идеологических догматических построений. К сожалению, теоретических и научно-аналитических ресурсов советской социологии было явно недостаточно для их решения. Социология была представлена в университетах, академических институтах и центрах, но ей предстояло пройти собственную перестройку в поисках новых теоретических оснований. Исторический материализм в качестве основы общесоциологической теории оказался мало пригоден для постижения новой общественной реальности, поскольку он был выстроен дисциплинарно и идейно под те самые критерии или принципы, которые предлагались партийно-идеологическим аппаратом КПСС.

Начавшийся в 1950–1970 гг. трансфер социального и гуманитарного знания в советскую обществоведческую среду, знакомство с западными социологиями под видом критики буржуазной социологии, буржуазной социальной науки, в частности через ИНИОНовские издания ⁶, оказали свое влияние на советских обществоведов. Доступными стали структурно-функциональный анализ, веберизанство, феноменологические и другие концепции. Однако их применение к изучению советского общества требовало серьезных коррекций, поскольку они были выстроены на совершенно иной общественной реальности капиталистических стран. Ориентированная на реальности советского и российского общества теоретическая социология практически отсутствовала и очень слабо развивалась в рамках исторического материализма и социальной философии.

Социологическое образование возникло организационно в 1984 г. как отделение при-

кладной социологии на базе экономического факультета Ленинградского государственного университета. С 1989 г. оно стало параллельно развиваться в других городах Советского Союза, где сформировались социологические школы. Явочным порядком достаточно активно социология развивалась прежде всего в области эмпирических и прикладных исследований, в той или иной мере с использованием инструментария, методологии и концепций западной социологии.

В 1990-е гг. произошла экспансия социологического образования и социологических исследований. На них возлагались большие надежды в изучении новой России, новых вызовов и раскрытии перспектив российского общества. Контакты с западными социологами стали обычным делом. Они приезжали в Россию, проводили в Москве и других городах школы, семинары, дискуссии. Среди имен видных социологов М. Кастельс, Э. Гидденс, У. Бек и другие. Многие мои коллеги учились у них. Тогда же 1990-е гг. на факультет социологии СПбГУ по программе «Социология на немецком языке» и при поддержке ДААД и программы Темпус приезжали ведущие европейские, прежде всего немецкие социологи. Продвижение современной западной социологии, западных социологических учений М. Вебера, Н. Лумана, П. Бурдьё и многих других воспринималось как само собой разумеющееся международное научное сотрудничество. Активное применение западных теорий приветствовалось. Несколько моих аспирантов написали свои диссертации на основе социального конструктивизма в духе концепции Бурдьё. В настоящее время в условиях геополитического и ценностного противостояния России и западного мира назрел теоретико-методологический и даже мировоззренческий кризис. Российские социологи оказались своего рода заложниками западных концепций и теорий, с помощью которых изучалось российское общество. Подобная ситуация демонстрирует определенную растерянность отечественной социологии в поиске теоретических, методологических, концептуальных оснований исследований проблем российского общества. Базовым теоретическим инструментом для нас были западные концепты, включая марксизм, исторический материализм в его совет-

ском варианте. Коллизия современной российской социологии заключается в необходимости разобраться в реалиях своего общества с помощью теоретических подходов, сформулированных в ином социокультурном пространстве. Молчаливой предпосылкой данной дилеммы является убеждение и позиция, что западные концепции применяются, поскольку это некий опыт и результат изучения собственных обществ, сходных с российским. Однако в случае применения зарубежных теорий к изучению российского общества обнаруживается своего рода слепота, близорукость и поверхностность в понимании происходящих скрытых процессов и действий. Логос как природа своего общества, по сути, не поддается раскрытию и камуфлируется. Остается обществоведение и обществознание в виде накопления массива разнообразных сведений. Проблема адаптации привлеченного концептуального социологического инструментария не решается путем простого некритического привлечения в арсенал исследований иного общественного пространства. Требуется фундаментальная перенастройка всего понятийного аппарата, языка описаний, способов анализа, методов интерпретации и понимания реалий российского общества.

Тематика научно-исследовательских программ активно изучалась в Институте философии РАН в 1980-е гг. в русле философии науки, социальной философии и методологии научного знания. В социологии эта проблематика ушла на задний план. В частности, для меня аксиомой в изучении истории русской дореволюционной социологии было допущение, что социологическое наследие досоветских предшественников в социологии можно просто взять и применить к текущим процессам рубежа XX–XXI веков. Между тем дореволюционная российская социология была прекрасна и продуктивна в своих находках по отношению к обществу совсем иной эпохи. Была совершенно другая социальная структура, культура, религия, государство, повседневность, хотя какие-то черты и основы остались, безусловно – язык, культурные коды, стереотипы. Нынешнее российское общество – это кардинально иное общество, познание которого требует собственной концептуализации и теоретического постижения в усло-

виях нынешнего кризиса. При этом нельзя просто отказаться от собственных и зарубежных достижений в социологии, например, изолироваться от Запада, исключить западные концепции и обособленно от них создавать свои самобытные концепции социологии, которые могут оказаться периферийными и малопродуктивными. Такие концепты уже были в 1990–2000-е гг., к примеру, социология жизненных сил С.И. Григорьева, концепция служебно-домашней цивилизации П.И. Смирнова и ряд других. Есть немало попыток построить подобные теоретические конструкции. Но остается вопрос соответствия их реальности российского общества. В частности, концепция жизненных сил апеллирует к витальности народов России, но как ее научно замерять и оценить.

Конечно, в постсоветской социологии возникли концептуальные разработки, особенно в 1990-е годы. Т.И. Заславская руководила проектом «Куда идет Россия?» (Т.И. Заславская была председателем Международного симпозиума «Куда идет Россия?») в русле теоретических концепций в решении проблематики трансформации, транзита, модернизации российского общества. В дореволюционной России и Русском Зарубежье существовала христианская социология (С.Н. Булгаков, С.Л. Франк) в попытках осознать и понять Россию как страну религиозную. В многоконфессиональной стране как Россия – это направление имеет узкую применимость. Теоретический багаж современной российской социологии скуден и требует существенных усилий.

Е.Н.: Российская академия наук сегодня позволяет укреплять поле российских исследований?

В.В.: Академия наук в России за 300 лет своей истории пережила необычную эволюцию. Она была создана как особое учреждение Академии наук с включенными в нее двумя учебными заведениями – университетом и гимназией. Среди ученых прежде всего были иностранцы, европейские ученые, российских ученых не было. Позже Михаил Васильевич Ломоносов боролся за включение русских ученых. Развитие императорской академии поддерживалось императором и правительством в течение последующих столетий,

в том числе особенно при Екатерине II. Академия наук существовала большей частью за счет приглашения именитых иностранных ученых. Вместе с тем весьма заслуженный русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев так и не стал академиком⁷. 8 февраля 2024 г. Российской академии наук исполняется 300 лет. Поддержка РАН со стороны Президента РФ В.В. Путина и правительства придает новое направление ее деятельности в качестве ведущего экспертного центра. В 2013 г. специально созданное ФАНО (Федеральное агентство научных организаций 2013–2018 гг.) упразднило экономическую, финансовую и хозяйственную самостоятельность академии. С 2018 г. РАН перешла в подчинение Министерству науки и высшего образования РФ. Произошла серьезная реорганизация РАН. Возникли новые интегральные научно-исследовательские центры, в частности, наш Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН), который объединил московские институты, наш институт региональные филиалы.

Е.Н.: Расскажите, пожалуйста, какие социологические проблемы сегодня наиболее обсуждаемы научными школами СИ РАН – филиала ФНИСЦ РАН?

В.В.: Социологический институт РАН в 2024 г. работает по трем государственным заданиям Министерства науки и высшего образования РФ: 1) «Властно-гражданские отношения в процессах стабилизации и трансформации социального порядка в современной России», включает два подпроекта (руководители Александр Владимирович Дука, Елена Валерьевна Тыканова); 2) «Культурные и институциональные основания социального структурирования и воспроизводства населения в современной России» включает два подпроекта (руководители чл.-корр. РАН Ирина Ильинична Елисеева, Нина Львовна Русинова); 3) «Механизмы цивилизационных изменений российского общества в условиях глобальных и локальных трансформаций современности» (руководитель В.В. Козловский). СИ РАН имел несколько государственных заданий, теперь только три. Бюджетное финансирование привязано к выполнению госзаданий. Помимо обязательных планов по госзаданию сотрудники нашего института пишут заявки на кон-

курсы РФФИ и нередко получают гранты. Среди полученных грантов есть разные исследовательские проекты: по городской тематике («Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий»); о старении («Отложенное старение или поздняя взрослость в России: как цифровое развитие меняет статус пожилых в эпоху COVID-19 и неопределенности»); исследование Республики Алтай («Этнософия Алтая: идеология и мифология национального сознания»); социально-философский проект – Византийский ренессанс («Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI–XV вв.»), по цивилизационной теме («Образы, концепты, проекты и модели цивилизационного развития российского общества»).

Последний проект по проблематике цивилизационного анализа российского общества представляет собой одно из ключевых направлений исследований СИ РАН. В феврале 2024 г. я изложил на заседании Ученого совета ФНИСЦ РАН результаты наших работ по данной тематике. Цивилизационный анализ современных обществ в течение последних пятнадцати лет стал приоритетной темой исследований сектора истории российской социологии. В силу разных причин поворот к цивилизационной тематике произошел у меня и моих коллег в ходе исследований истории российской социологии, в которой этот вектор постепенно становился одним из ведущих. В моих научных исканиях шло движение от темы социальной справедливости к проблематике модернизации российского общества. Были размышления как возможно переустроить советское и постсоветское общество на пути модернизации, либерализации, приватизации, капитализма и рынка. Казалось, что рыночные отношения позволят гражданам России, элитам выстроить желаемое «хорошее» общество. Эйфория приобретаемой в либерально устроенном обществе свободы миновала, цена социального, экономического и культурного переворота оказалась слишком высокой.

Годы после перестройки – это неперемный предмет и поле изучения радикальных перемен российского общества, цивилизаци-

онного выбора развития. Модернизация общества в социально-структурном аспекте свелась к стратификационной трансформации, к социальной поляризации, социальному неравенству. Вопросов к социологам накопилось существенно больше, чем раньше. Они вынуждены направить свое внимание на изучение животрепещущих социальных проблем общества

Е.Н.: В Российском научном фонде есть целое направление грантовой поддержки междисциплинарных исследований, это актуально и востребовано. Какие направления междисциплинарных исследований сегодня, по Вашему мнению, возможны? Проводятся ли на базе СИ РАН – филиала ФНИСЦ РАН междисциплинарные исследования?

В.В.: У меня двойственное отношение к этому принципу междисциплинарности. Если есть объект и предмет социологического изучения, например, в нашем проекте это цивилизационный потенциал локальных территорий, регионов, местных сообществ на Северо-Западе РФ, который состоит из 11 областей и 2 республик. Задача выявить особенности цивилизационного уклада, цивилизационной идентичности, своеобразие этих локальных территорий на региональном и местном уровне. Богатство и своеобразие этих мест и сообществ требует комплексного целостного, а не междисциплинарного исследования. Проведенные нашей группой экспедиции по некоторым малым городам Северо-Запада: Архангельская, Вологодская, Ленинградская Калининградская области, Республика Карелия, дали крайне интересные результаты о многообразии местных территорий, экономической активности, промышленном и аграрном секторах, разной культурной жизни, миграционных настроениях, уникальном укладе и образе жизни жителей. Этот уклад включает множество качеств: трудовое, социальное, религиозное, поведение, разные привычки, повседневность и т. д. Дисциплинарно изучать это разнообразие означает дробить объект на части и потом соединять их. Требуется целостное изучение живого процесса социокультурной жизни, выстраивания и реализации людьми своих жизненных путей. Именно цивилизационный анализ позволяет объединить разнородные характеристики социума, соци-

альной структуры, культуры, институтов и акторов. В каждом местном сообществе, локальной территории люди совершенно по-разному ведут себя. Каждое местное сообщество, его представители, будучи патриотами, или не патриотами, сильно или слабо привязанными к месту развития, либо пестуют это место свое и свою жизнь, как это было и в России в разных регионах, либо мигрируют и уезжают. В этом существе цивилизационного анализа и взгляда на текущую жизнь глазами социолога. Речь идет не о метафизическом рассуждении о типе, смысле и кодах цивилизации, а о текущем цивилизационном своеобразии российского общества, о моделях цивилизационного развития современной России. Безусловно, есть российская или русская модель цивилизационного развития, встроенная в общемировой цивилизационный процесс. Это целостное видение с разных ракурсов, разных аспектов, поэтому здесь присутствует множественное цивилизационное измерение.

Мне думается, что изучение объекта в целостности, жизни людей с разных ракурсов, то вопроса о междисциплинарности даже не возникает. Нужен интегральный подход к объяснению живой ткани общественной жизни с учетом научных достижений разных наук. В междисциплинарности сложно найти органическую связку, слияние, поэтому необходимо найти обобщенные инструменты, которые бы включали в себя многие дисциплинарные видения – экономические, психологические, культурные. Таков, на мой взгляд социологически ориентированный цивилизационный подход в изучении и понимании современности российского общества.

Е.Н.: Вы были в экспедициях, какие методы Вы использовали для сбора данных?

В.В.: Были использованы стандартные методы сбора данных: наблюдения, биографические интервью, экспертные интервью, фокус-группы. В городе Сокол Вологодской области был проведен анкетный опрос на 600 респондентов. Все материалы обрабатываются и будут опубликованы. Сделаем по Северо-Западу, хочу эти материалы опубликовать. Осенью 2023 г. провели исследование (три фокус-группы и анкетный массовый опрос) в трех районах Калининградской области ($N = 600$). Исследования особенностей ци-

визационного развития российских регионов продолжаем.

Е.Н.: Какие задачи стоят перед современной российской социологией?

В.В.: Само определение российской социологии состоит в том, что необходимо искать концептуальные новые выходы и направления. Я не говорю, что цивилизационный подход единственный, но он по крайней мере позволяет целостным образом смотреть на то, что происходит. На ту реальность, что в нашей стране, на ту динамику, что происходит и на живую жизнь можно сказать, потому что можно отслеживать как люди сами формируют свой, если угодно, образ жизни, свои жизненные планы, траекторию, как реализуют. Но какая-то типологизация нужна, конечно, уникальности. Мы не можем каждого индивида через рентген снять цивилизационный, это невозможно. Но какая-то классификация, типология есть. Она неизбежна. Проблема в том, чтобы это, во-первых, понять, разобраться с этим, описать. И, соответственно, может быть спрогнозировать. Если мы разные модели выделяем как некие реальные способы существования и реализации собственных устремлений каких-то, установок, планов, то понятно, что если какой-то один из планов, одна из моделей доминирует, то мы получаем какое-то одностороннее сосуществование. Даже не сосуществование, а некое принуждение и подавление. А это опасно. Единство на чем основано? На признании чего-то общего. А что это общее? Как эту гармонию построить? Социология в этом смысле стремиться понять, как обустроить общество? Это все-таки задача серьезная. Поэтому, конечно, я что-то придумываю, откуда-то черпаю. Например, использую термин «полиморфизм цивилизационной идентичности», выступал с докладом на XXVI Международной конференции «Культура, личность, общество в эпоху перемен: новые вызовы, проблемы, перспективы» в рамках Уральского социологического форума к 100-летию Л.Н. Когана (17–18 марта 2023 г.).

Е.Н.: Сегодня не прекращаются дискуссии о том должна ли социология изучать фундаментальные проблемы по заказу властных структур или фундаментальная социологии возможна только без давления сверху, само-

стоятельно формулируя проблемное поле исследований. Как Вы считаете, каковы практики формирования современного социологического знания?

В.В.: Это очень сложный вопрос. Так как социология вглядывается, изучает общество, поэтому может получить какое-то видение общества. Соответствующее взглядам правящей элиты или нет, это вопрос. Если социология служит власти, то она теряет свою меру объективности, к сожалению. Почему? Потому что тогда вы под заказ работаете. В этом смысле государственное задание позволяет нам свободно изучать процессы, которые являются предметом нашего исследования, в рамках институтов РАН. Представители власти так или иначе пользуются интеллектуальными ресурсами, разработанными учеными. Не они сами выдумывают социологические понятия, проводят исследования, получают социологические результаты. Они пользуются плодами социологии, в том числе через своих консультантов, спичрайтеров и т. д. Раньше институт философии писал документы и тексты для ЦК КПСС. Сейчас действуют другие механизмы. По сути дела, речь идет о том, что на региональном уровне власти заказывают исследования, на федеральном уровне Федеральная служба охраны Российской Федерации (ФСО России) проводит свои социологические исследования и получает необходимую информацию о настроениях, о мнениях, позициях и т. д. Трудно сказать каково должно быть соотношение результативности и востребованности социологической продукции. Но если социология служит власти, тогда она, конечно, превращается в служанку, это известное дело. Как философия, как любое знание. Интеллектуальное видение требует некой свободы. Как государство влияет? Оно в данном случае, слава Богу, помогает. Например, обеспечивает финансовые и материальные ресурсы, образовательные учреждения – подготовку кадров.

Сегодня как никогда актуальна проблема качества социологического образования. Тридцать пять лет социологическому образованию в современной России. Кого и как оно готовит? Сопряжены ли рост социологических знаний, развитие социологических теорий, теоретического уровня социологии с прогрессом

в профессиональной подготовке социологов? Расширяется ли, углубляется ли наше понимание российского общества и взаимопонимание с другими обществами. Надежда на то, что мы, изучая свое общество, как современное общество, фактически даем некий новый инструмент и знания для продвижения в мировом социологическом сообществе и зарубежной общественности, в том числе европейским, китайским, японским, африканским исследователям, которые изучают современность своих обществ с помощью накопленного социологического арсенала. Поскольку мы все живем в современности, эта современность очень разная. Если концептуальные, какие-то новые вещи создавать, в том числе подтверждаемые эмпирически, то тогда может быть компаративистика. Компаративистика позволит нам знакомиться с тем, что там происходит. Компаративистика внутри России в том числе. Она как бы особый метод, а на самом деле целое направление научное. И проблема цивилизационная хорошо ложится. Существует даже Международное общество сравнительного изучения цивилизаций. Там все, не только социологи, мультидисциплинарность – историки, этнографы, лингвисты и т. д.

Книга «Российское общество: архитектура цивилизационного развития»⁸ попала в основной список курса «Основы российской государственности». Мы в ней размышляем о том цивилизационном развитии, которое я назвал архитектурой. Коллеги не возражали против данного имени и концепта. Что такое архитектура? Это построение, уклады жизни, поддерживающие уникальность и самостоятельность этих локальных территорий, местных сообществ как субъектов цивилизационного развития? Не оторванного от общероссийского цивилизационного пути, а уникального своего выражения и реализации этого пути. Это обогащает наше российское общество в своих проявлениях, самореализации, творчестве и повседневности. В этом проявляется единство, разнообразие и богатство

российского общества, обеспечивающие нам возможность полноценного существования и самореализации. Например, в стремлении решить в каком-то приближении проблему справедливости, справедливого устройства общества, которая является вечной острейшей повесткой современного российского общества. Отношения между властью, государством, обществом и социологией исторически складывались трудно. От социологии ожидается понимание мнений, помыслов, пружин и действий людей ради стабильности, благополучия и процветания большинства общества. Опора на результаты научных исследований, разных социальных и гуманитарных наук дает основания для относительно гармоничного решения текущих и долгосрочных проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России / сост. князь В.Н. Тенишев. Смоленск, 1898.

² Постановление Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 15 и след.

³ Источник: <https://www.fnisc.ru>

⁴ Козловский В.В., Браславский Р.Г. Ленинградская мозаика советской социологии // Россия реформирующаяся. 2019. № 17. С. 61–82.

⁵ Голосенко И.А. Буржуазная социология в России на рубеже двух веков: дис. ... д-ра филос. наук. Л., 1980. 286 с.

⁶ Критика современных буржуазных и ревизионистских теорий: указ. лит. соц. стран Европы / АН СССР, ИНИОН; редкол.: Т.В. Владиславлева (отв. ред.) [и др.]. М.: [б. и.], 1977–1984.

⁷ Кудрина Ю.В. Развитие научных знаний в России в период царствования императора Александра III // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87, № 5. С. 467–473.

⁸ Российское общество: архитектура цивилизационного развития / Р.Г. Браславский, В.В. Галиндабаева [и др.]; отв. ред. В.В. Козловский; ФНИСЦ РАН. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. 340 с.

Information About the Authors

Vladimir V. Kozlovskiy, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Scientific Head, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 7-ya Krasnoarmeyskaya St, 25/14, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation; Professor, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, v.kozlovskiy@socinst.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4825-2640>

Ekaterina N. Vasilieva, Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Fotievoy St, 6, Bld. 1, 119333 Moscow, Russian Federation; Professor, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vasilevaen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

Информация об авторах

Владимир Вячеславович Козловский, доктор философских наук, профессор, научный руководитель, Социологический институт РАН – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, v.kozlovskiy@socinst.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4825-2640>

Екатерина Николаевна Васильева, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Фотиевой, 6, к. 1, 119333 г. Москва, Российская Федерация; профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vasilevaen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>